

ПРОЛОГ

Крюк Хоби своей свободой, положением в обществе, деньгами — иными словами, всей своей жизнью был обязан тайне тридцатилетней давности. И как любой осторожный человек, в том особенном положении, в котором он находился, он был готов на все, чтобы эту тайну оберегать. Потому что мог очень многое потерять. Он мог потерять саму жизнь.

Защита, на которую он полагался почти тридцать лет, основывалась на двух вещах. Тех самых, что используют люди, чтобы защититься от любой опасности. Тех самых, к которым прибегает государство для защиты от вражеского нападения, мирный обыватель — для защиты собственного жилища, а боксер — для отражения нокаута. Обнаружение и реакция. Первый этап и второй. Сначала ты обнаруживаешь опасность, затем реагируешь на нее.

Первый этап являлся системой заблаговременного предупреждения. Она менялась по мере того, как шли годы и возникали новые обстоятельства. К данному моменту эта система была тщательно отработана и до предела упрощена. Она состояла из двух слоев, как две концентрически расположенные натянутые проволоки, о которые неминуемо должен споткнуться враг. Первая находилась в одиннадцати тысячах миль от его дома. Она служила в качестве первого сигнала. Сигнала,

который должен привлечь его внимание и сообщить, что к нему подбираются. Вторая — на пять тысяч миль ближе, но все равно в шести тысячах миль от его дома. Сообщение, поступившее отсюда, поставит его в известность, что они уже совсем близко, первый этап подошел к концу и пора приступить ко второму этапу.

Второй этап — это то, как он ответит. Крюк Хоби ни секунды не колебался на предмет того, каким должен быть ответ. Он обдумывал его почти тридцать лет, но уже давно понял, что ответ может быть только одним — бежать. Исчезнуть. Он был реалистом. Всю жизнь он гордился своей смелостью и хитростью, своей твердостью и жестким характером. Он всегда без колебаний делал то, что было необходимо. И знал, что, когда услышит сигнал тревоги, должен будет спастись бегством. Потому что ни один человек не сумеет победить врага, который за ним придет. Ни один человек. Даже такой безжалостный и жестокий, как он.

Опасность уже многие годы подступала к нему, точно морской прилив, и ему часто казалось, что этот прилив вот-вот утащит его за собой. Потом наступали довольно долгие периоды, когда он был уверен, что ему ничто не грозит. Иногда притупляющее все ощущения время помогало ему чувствовать себя в безопасности, потому что тридцать лет — это целая вечность. А порой эти тридцать лет казались одним коротким мгновением, и он ждал, что в следующую минуту зазвучит сигнал тревоги. Он строил планы, подавляя страх, но всегда знал, что рано или поздно ему придется спастись бегством.

Мысленно Крюк Хоби проигрывал эту ситуацию миллион раз. Он предполагал, что первый сигнал тревоги прозвучит примерно за месяц до второго. Этот

месяц он использует на подготовку: закончит дела, соберет деньги, переведет свои активы в более надежное место — иными словами, приведет все в порядок. Затем, когда прозвучит второй сигнал, он отправится в путь. Немедленно и без сожалений. Уберется отсюда как можно дальше и постарается не высовываться.

Но получилось так, что оба сигнала тревоги прозвучали в один день. Причем сначала — второй. Та ловушка, что находилась ближе, сработала за час до той, что была дальше. И Крюк Хоби не стал спасаться бегством. Он отбросил тридцать лет тщательного планирования и остался, чтобы сражаться.

ГЛАВА 1

Джек Ричер увидел, как в дверь вошел какой-то мужчина. На самом деле никакой двери не было. Этот мужчина шагнул сквозь открытое пространство, на месте которого должна была находиться стена. Бар выходил прямо на улицу. Столы и стулья стояли под высохшим старым ползучим растением, дающим некое подобие тени. В общем, помещение с несуществующей стеной, находящееся одновременно внутри и снаружи дома. У хозяев наверняка имелась железная решетка, чтобы ставить ее, когда бар закрывался. Если он вообще когда-нибудь закрывался. По правде говоря, Ричер ни разу не видел это заведение закрытым, а он имел обыкновение приходить сюда в довольно необычное время.

Мужчина вошел и остановился примерно в ярде от входа, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку после ослепительного солнца Ки-Уэста. Стоял июнь, четыре часа дня, в самой южной точке Соединенных Штатов. Намного южнее, чем большая часть Багамских островов. Обжигающее белое солнце и страшная жара. Ричер сидел за столиком в дальней части комнаты, пил воду из пластиковой бутылки и ждал.

Вошедший принялся оглядываться по сторонам. Бар представлял собой помещение с низким потолком, построенное из досок, высохших и потемневших от времени. Складывалось впечатление, что это останки древ-

них кораблей. Тут и там к ним были прикреплены случайные куски самых разных предметов, имевших отношение к морю: какие-то позеленевшие от времени медные штуки, зеленые шары из стекла, обрывки старых сетей. Ричер решил, что это рыболовные снасти, хотя за всю свою жизнь не поймал ни одной рыбы и никогда не плавал на корабле или даже лодке. Впрочем, во внутреннем убранстве бара главное место принадлежало визиткам — наверное, их было не меньше десяти тысяч, — они занимали каждый свободный дюйм, включая потолок. Одни новые, а другие — старые, потрепанные, с названиями предприятий, закрывшихся десятки лет назад.

Мужчина сделал еще шаг в полумрак и направился к стойке. Он был немолод, лет шестидесяти, среднего роста, крупный. Доктор сказал бы, что он страдает избыточным весом, но Ричер видел перед собой сильного мужчину, который стареет, но, подчиняясь течению времени, не делает из этого трагедии. Он был одет как житель северного города, которому неожиданно пришлось отправиться в место, где очень жарко. Светло-серые брюки, широкие сверху и сужающиеся книзу, тонкий мятый пиджак бежевого цвета, белая рубашка с расстегнутым воротом, белая кожа шеи, темные носки, городские ботинки. Нью-Йорк или Чикаго, решил Ричер, а может, Бостон; большую часть лета он проводит в помещениях или машинах с кондиционером, а эти брюки и пиджак валялись в шкафу с тех самых пор, как он купил их лет двадцать назад, а потом время от времени доставал и надевал при случае.

Мужчина подошел к стойке, засунул руку в карман пиджака и достал бумажник — маленький, распухший, старый, но из хорошей черной кожи. Из тех, что

принимают форму всего, что в них кладут. Мужчина привычным жестом открыл бумажник, показал его бармену и что-то спросил. Бармен отвернулся, словно ему нанесли оскорбление. Мужчина убрал бумажник и пригладил седые, влажные от пота волосы, что-то еще сказал, и бармен достал ему пиво из ящика со льдом. Старик на мгновение прижал холодную бутылку к лицу, а потом сделал большой глоток. Тихонько рыгнул, прикрывшись рукой, и улыбнулся, как будто ему удалось разобраться с маленькой, но неприятной проблемой.

Словно в ответ ему, Ричер сделал большой глоток воды. Самым здоровым и крепким мужчиной, какого Ричер встречал в своей жизни, был бельгийский солдат, твердивший, что залогом отличного самочувствия является следующее правило: делай все, что тебе хочется, если ты выпиваешь пять литров минеральной воды в день. Ричер прикинул, что пять литров примерно равны галлону, а поскольку бельгиец был низеньким жилистым парнем, примерно в два раза меньше его самого, он прикинул, что должен выпивать два галлона. Десять больших бутылок. С тех пор как Ричер прибыл в Ки-Уэст, он так и делал и вскоре понял, что еще никогда не чувствовал себя лучше. Каждый день в четыре часа он садился за один и тот же столик и выпивал три бутылки воды комнатной температуры без газа. И теперь не мог без нее обходиться, как когда-то не мог обходиться без кофе.

Старик стоял боком к стойке бара, пил пиво и изучал помещение. Кроме бармена, в нем находился только Ричер. Старик оттолкнулся от стойки бедром и подошел к нему, помахав в воздухе бутылкой, словно спрашивая: «Можно?» Ричер кивком показал на сво-

бодный стул, стоявший напротив, и отвинтил пластмассовую крышку третьей бутылки. Мужчина тяжело опустился на стул, который скрылся под его телом. Он был из тех людей, кто носит ключи, деньги и платки в карманах брюк, и потому казался шире в бедрах, чем был на самом деле.

— Вы Джек Ричер? — спросил он.

Не Чикаго и не Бостон. Нью-Йорк. Его голос напомнил Ричеру одного знакомого, который провел двадцать лет жизни, не удаляясь от Фултон-стрит больше чем на сто ярдов.

— Джек Ричер? — снова спросил старик.

У него были маленькие мудрые глаза под нависшими бровями. Ричер сделал глоток и посмотрел на старика сквозь прозрачную воду в бутылке.

— Вы Джек Ричер? — в третий раз поинтересовался тот.

Ричер поставил бутылку на стол и покачал головой.

— Нет, — солгал он.

У старика поникли плечи от огорчения. Он взглянул на часы, чуть наклонился вперед, словно собирался встать, но затем откинулся на спинку, как будто совершенно неожиданно у него появилось свободное время.

— Пять минут пятого, — сказал он.

Ричер кивнул. Старик помахал пустой бутылкой бармену, и тот принес ему новую.

— Жара меня достает, — сообщил он Ричеру.

Тот снова кивнул и сделал очередной глоток воды.

— Вы знаете Джека Ричера? — спросил старик.

Ричер пожал плечами.

— А как он выглядит? — поинтересовался он в свою очередь.

Его собеседник оторвался от бутылки с пивом, вытер губы тыльной стороной ладони и снова тихонько рыгнул.

— Не знаю, — ответил он. — Мне известно только, что он высокий и крупный. Вот почему я обратился к вам.

— Здесь много высоких крупных парней, — сказал Ричер. — Их везде много.

— Но имя вам не знакомо?

— А должно быть? — спросил Ричер. — И кому же он понадобился?

Старик ухмыльнулся и кивнул, словно извиняясь за дурные манеры.

— Костелло, — представился он. — Рад с вами познакомиться.

Ричер поднял в ответ свою бутылку.

— Агент по розыску сбежавших должников?

— Частный детектив, — ответил Костелло.

— И вы ищете парня по имени Ричер? — спросил Ричер. — А что он натворил?

Костелло пожал плечами:

— Насколько мне известно, ничего. Просто меня попросили его найти.

— И вы решили, что он должен быть здесь?

— На прошлой неделе был, — пояснил Костелло. — У него в Виргинии счет в банке, и он переводит туда деньги.

— Отсюда, из Ки-Уэста?

Костелло кивнул:

— Каждую неделю. Вот уже три месяца.

— И что?

— Значит, он здесь работает, — сказал Костелло. — По крайней мере три месяца. Кто-то должен его знать?

— Но никто не знает, — сказал Ричер.

Костелло покачал головой:

— Я поспрашивал на улице Дюваль — насколько я понял, это самое оживленное место в городе. И только одна какая-то девчонка в дрянном баре сказала мне, что высокий парень вот уже три месяца приходит сюда каждый день в четыре часа и пьет воду.

Он замолчал и сурово посмотрел на Ричера, словно бросая ему вызов. Ричер сделал глоток воды и пожал плечами.

— Совпадение, — заявил он.

— Наверное, — тихо проговорил Костелло, поднес бутылку к губам и сделал глоток, не сводя с лица Ричера мудрых старых глаз.

— Здесь население постоянно мигрирует, — сообщил ему Ричер. — Люди приезжают и уезжают.

— Наверное, — повторил Костелло.

— Но я стану поглядывать по сторонам, если хотите, — предложил Ричер.

— Буду признателен, — рассеянно сказал Костелло.

— А кому он понадобился? — поинтересовался Ричер.

— Моей клиентке, — ответил Костелло. — Ее зовут миссис Джейкоб.

Ричер сделал глоток воды. Имя не показалось ему знакомым. Джейкоб? Он никогда не слышал о женщине с таким именем.

— Хорошо, если я его встречу, то скажу, что вы его искали, но не слишком на меня рассчитывайте. Я не очень общителен.

— Вы работаете?

— Копаю бассейны.

Костелло задумался, как будто знал, что такое бассейн, но не имел ни малейшего представления о том, как они могли сюда попасть.

— Управляете экскаватором?

Ричер улыбнулся и покачал головой.

— Только не здесь, — ответил он. — Мы копаем вручную.

— Вручную? — повторил Костелло. — Лопатами, что ли?

— Участки маленькие, машинам туда не заехать, — пояснил Ричер. — Слишком узкие улицы, слишком низко нависают ветки деревьев. Отойдите в сторону от Дюваль, и сами все увидите.

Костелло в очередной раз кивнул, и неожиданно у него сделался довольный вид.

— Тогда вы, скорее всего, не знаете Ричера. Миссис Джейкоб сказала мне, что он военный, офицер. Я проверил, и все совпало. Он был майором. Медали и все такое. Шишка в военной полиции, так мне сказали. Такой парень не станет копать дурацкой лопатой яму для бассейна.

Ричер сделал большой глоток воды, чтобы скрыть выражение, появившееся у него на лице.

— А что, по-вашему, он должен здесь делать?

— Здесь? — переспросил Костелло. — Ну, не знаю. Служба безопасности в отеле. Какое-нибудь собственное дело. Может, у него свой кораблик, который он сдает внаем.

— А что ему вообще здесь делать?

— Да уж, — не стал спорить Костелло, — это местечко не для него. Но я уверен, что он здесь. Он уволился из армии два года назад, положил все свои деньги в ближайший к Пентагону банк и исчез. Его банков-

ский счет указывает на то, что он разъезжал по всей стране, время от времени снимая деньги, но вот уже три месяца они поступают отсюда. Получается, что он некоторое время путешествовал, затем осел здесь и начал понемногу зарабатывать. Я его найду.

Ричер не стал возражать.

— Все еще хотите, чтобы я о нем поспрашивал?

Костелло покачал головой. Судя по всему, он обдумывал следующий шаг.

— Не стоит.

Он тяжело поднялся со стула, вытащил из кармана несколько мятых бумажек, бросил на стол пятерку и пошел прочь.

— Приятно было познакомиться! — крикнул он, не оборачиваясь, и вышел через отсутствующую стену в дышащий жарой день.

Ричер допил воду, глядя ему вслед. Десять минут пятого.

Через час Ричер шагал по улице Дюваль, раздумывая над тем, как лучше организовать новые отношения с банком, где пообедать и почему он соврал Костелло. По первому вопросу он принял решение снять деньги со счета и носить их в кармане штанов. По второму — последовать совету своего приятеля-бельгийца: съесть громадный стейк, потом мороженое и запить все это двумя бутылками воды. И по третьему: он соврал, потому что не видел причин говорить правду.

Ричер не понимал, почему его разыскивает частный детектив из Нью-Йорка. Он никогда там не жил. Да и вообще ни в одном из крупных северных городов. На самом деле он нигде не жил, это стало определяю-

щим фактором его судьбы и сделало тем, кем он стал. Его отец был офицером Корпуса морской пехоты на действительной службе, и родители постоянно таскали Ричера по всему миру с того самого мгновения, как мать вынесла его из родильного отделения госпиталя в Берлине. С тех пор он жил на бесконечно сменяющихся друг друга военных базах, причем по большей части в удаленных и не слишком дружелюбных частях света. Затем сам поступил на службу в армию, стал следователем военной полиции и снова жил и нес службу на тех же самых базах, разбросанных по всему миру, пока в результате политики «мирного дивиденда»¹ не закрыли его подразделение, а он не оказался на свободе. Тогда он вернулся домой, в Соединенные Штаты, и стал путешествовать по стране как самый обычный, не слишком состоятельный турист, пока не объехал ее всю, а его сбережения не подошли к концу. Тогда он нанялся на пару дней копать ямы под бассейны, пара дней превратилась в пару недель, а недели в месяцы, и вот он осел здесь.

У него нигде не было родственников, которые могли бы оставить ему наследство. Он никому не был должен денег. Никогда ничего не украл и никого не обманул. У него не было детей. Его имя значилось всего в нескольких официальных бумагах. Кроме того, он совершенно точно знал, что никогда не слышал о женщине по фамилии Джейкоб. Так что если Костелло и хотел от него чего-то, Ричера это не интересовало. Во всяком случае, не настолько, чтобы выбраться из своего укрытия и впутаться в какую-нибудь историю.

¹ Политический лозунг, провозгласивший экономическую выгоду от снижения затрат на вооружение. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Потому что он привык быть невидимкой. Передняя доля его головного мозга знала, что это своего рода комплекс, реакция на ситуацию, в которой он оказался. Два года назад его мир перевернулся с ног на голову. Из большой рыбы, плавающей в своем маленьком пруду, он стал никем. Он был старшим и уважаемым членом сообщества, подчиняющегося суровым законам, а превратился в одного из двухсот семидесяти миллионов безымянных граждан. Он был востребован и чувствовал себя нужным, а теперь стал лишним. Прежде ему постоянно говорили, где, когда и сколько времени он должен находиться, и вдруг он оказался наедине с самим собой на территории в три миллиона квадратных миль, впереди у него было еще лет сорок такой жизни и никакого расписания или карт и указаний. Передняя доля его мозга твердила, что его реакция вполне объяснима, что таким способом он пытается защищаться от новой реальности, — реакция человека, любящего уединение, но обеспокоенного своим одиночеством. И еще: это опасная реакция и он должен с ней бороться.

Но самая тайная часть его мозга, прячущаяся за передними долями, нашептывала, что ему такая жизнь нравится. Ему нравилось ощущение таинственности и собственная скрытность, и он тщательно их оберегал. Внешне он вел себя дружелюбно и был общительным, но почти ничего о себе не рассказывал. Ему нравилось платить наличными и путешествовать на автотранспорте. Однако его имя никогда не значилось в списках пассажиров или на копиях чеков. Он никому не открывал своего имени. В Ки-Уэсте он поселился в дешевом мотеле, назвавшись Гарри С. Трумэном. Пролистав регистрационную книгу, Ричер обнаружил, что таких, как

он, много. Здесь останавливались почти все из сорока одного президента США, даже те, о которых никто никогда не слышал, вроде Джона Тайлера и Франклина Пирса. Довольно быстро Ричер понял, что в Ки-Уэсте имена ничего не значат. Ему махали рукой, улыбались и говорили «привет». Местные жители считали, что у каждого человека есть своя тайна. Ему было здесь уютно. Слишком комфортно, чтобы спешить покинуть это место.

Около часа он гулял по шумным жарким улицам, потом свернул с Дюваль к прячущемуся во дворе ресторанчику, где его узнавали, подавали стейк такого размера, что он свисал с тарелки, и, кроме того, у них имелась его любимая вода.

Вместе со стейком принесли яйцо, жареную картошку и салат из летних овощей, а также мороженое с соусом из горячего шоколада и орехов. Ричер выпил еще кварту воды и две чашки крепкого черного кофе и, довольный, отодвинулся от стола.

— Ну, теперь вам хорошо? — с улыбкой спросила официантка.

Ричер ухмыльнулся и кивнул.

— В самое яблочко, — ответил он.

— Вы даже выглядеть стали лучше.

— Я и чувствую себя лучше.

Он сказал правду. Ему было тридцать восемь, и он еще никогда не чувствовал себя так хорошо. Ричер всегда отличался крепким здоровьем и силой, но последние три месяца помогли ему выйти на пик формы. В нем было шесть футов пять дюймов, и он весил двести двадцать фунтов, когда уволился из армии. Через месяц после того, как он поступил в бригаду строителей, ра-